

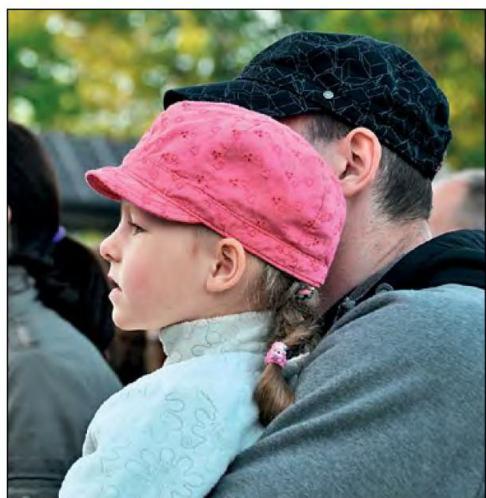

ISSN 0028-1263

НАУКА И ЖИЗНЬ

- Автопилот впервые включили 100 лет назад ● Атлантида могла быть, но не везде
- Ответить на вопрос: «Откуда берётся пыль?» — совсем не сложно ● Фактор свободы подстегнул рост экономики в России накануне Первой мировой войны ● Пассажирские и грузовые модели, самоходная буровая установка и самосвал... — таков ассортимент крошек-вездеходов ● Отцовство меняет мужчину... кардинально.

ОГНЕНИЕ ДЕРЕВЬЯ

Елена ПЕРВУШИНА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЗАГОВОР ГОРМОНОВ

Работа врача — это управление химическими синапсами пациента во имя его блага!

Лекция по нейрофизиологии.

Глава первая. МЁРТВЫЕ ЦВЕТЫ

— О чём я думаю?

Оригинальный вопрос. Оригинальная манера плюхаться на стул без приглашения и смотреть на меня глазами белька, над которым злодей-зверолов уже занёс свою колотушку. Нет, я прекрасно понимаю, что госпитальное кафе — это не шикарный ресторан, где твоё уединение бдительно оберегают метрдотель, официанты и цифры в счёте. Я согласна на яркий свет, отражающийся от белых столов, кафельного пола и стойки из нержавейки, на скрип ножек стульев по пресловутому кафелю, на кричаще-красные бумажные салфетки и крышки солонок и перечниц, на звон посуды с кухни, даже на крики: «Люди! У меня родился сын!». Но не согласна на вторжение в моё личное пространство. Может быть, в другое время и в другом месте я была бы довольна тем, что ко мне проявляют внимание особи противоположного пола и подходящего возраста, но здесь и сейчас — здесь и сейчас! — парень, ты попал.

— Ты думаешь, что я умею читать мысли, — отвечаю я.

Он отшатывается (опять противный визг ножек, скребущих по кафелю), потом снова придвигается, заглядывает в глаза и спрашивает:

— А ещё?

— Ты не знаешь, верить в это или нет. И не знаешь, чего больше боишься — того, что это окажется правдой, или того, что это обман. У тебя болят поясница и правое запястье. И ты очень хочешь, чтобы я тебя выслушала. Достаточно? При этом, заметь, к чтению твоих мыслей я ещё и не приступала. Это просто наблюдения.

— Объясните, — просит он. — Пожалуйста.

Если мне задают вопрос, я тут же начинаю искать на него ответ и не успокоюсь, пока не найду. Очень помогает в работе, но в личной жизни — это, скорее, обуза, чем достоинство.

— Насчёт «чтения мыслей» — можно сказать, шутка. Ты подошёл прямо ко мне, сел без приглашения. Врядли это твой обычный способ знакомиться с девушками. Ты знал к кому идёшь, видимо, наводил справки обо мне. Следовательно, цель твоего вопроса — проверить, действительно ли я умею читать мысли. Когда я ответила, ты непроизвольно отстранился, глаза широко открылись, зрачки расширились — естественно, ведь ты, как и большинство нормальных людей, боишься, что твои мысли узнает посторонний. Но тут же придвигнулся обратно — следовательно, интерес сильнее страха, и ты, вероятно, был бы разочарован, если бы оказалось, что я — обычный человек без сверхспособностей. Конечно, есть риск ошибиться, но, как видишь, угадала. Когда ты отодвигался от меня, то поморщился и невольно схватился за поясницу. Кроме того, у тебя след от эластичного бинта на правом запястье и ты явно бережёшь правую руку. И наконец, я обращаюсь к тебе на ты, а ты ко мне — на вы, смотришь на меня снизу вверх. То есть ты добровольно признаёшь, что твой ранг ниже моего. Для мужчин такое поведение нетипично. Значит, ты очень заинтересован в моём внимании. Вот и всё.

— Когда вы рассказываете это, Холмс, всё кажется таким простым и очевидным. — Он впервые улыбается. — Так вы умеете читать мысли по-настоящему?

— А вот эта информация попадает под защиту закона о неприкосновенности личной жизни, отвечать я не буду. — Этую фразу я выучила назубок ещё в школе: — Тем более что сейчас перерыв закончился и мне пора на работу. А всё, что происходит у меня на работе, — тоже конфиденциальная информация, и она защищена от разглашения.

Встаю из-за столика, и тут он хватает меня за рукав.

— Простите, но мне действительно нужна ваша помощь. Мне... и ещё одному человеку... очень хорошему человеку. И, к сожалению, я не знаю никого, кроме вас, кто мог бы помочь.

Её зовут Лиза. Она сидит на краешке кровати, одетая в весёлую ночную рубашку с розочками и медвежатами, раскачивается и поёт:

*Как в толпе его найдём,
Моего дружка?
Плац паломника на нём,
А в руке клюка.*

Я услышала её голос в передней, когда у меня ещё были завязаны глаза. Чистый женский голос, бархатистое контральто — не профессиональное, но очень чувственное. Тем разительнее был контраст с детской ночнушкой, с длинными, наполовину обесцвеченными, наполовину пепельно-серыми волосами и с таким же пепельно-серым осунувшимся лицом. Кажется, вся душа этой женщины, всё, что одушевляло её, ушло в голос и теперь с голосом уходит в воздух, в никуда. В первый момент я даже разозлилась и шикнула на Максима:

— Вы что, нормальной одежды подобрать не могли? Если она больна, это не повод её унижать.

Но он только покачал головой:

— Её любимая рубашка. Ещё до всего. Потом мягко тронул женщину за плечо:
— Лиза, смотри, я привёл доктора.

Она повела головой — в его сторону, не в мою, и не сказать чтобы взглянула, потому что глаза как были, так и остались без малейшего выражения, просто повернула лицо в его сторону и заговорила тем же низким, грудным, чувственным голосом:

— Пятью пять — двадцать пять, всё спокойно. А дважды два — четыре, этого мало, мало... Я хотела бы нарвать вам фиалок... А трижды три — двадцать один... Дуй ветер, дуй!.. Любви безмерной положить конец, любовь не знает убыли и тленя, любовь над бурей поднятый маяк, не кукла жалкая в руках у времени... московское время три часа сорок одна... семью семь — сорок один, и всё спокойно... — И снова запела:

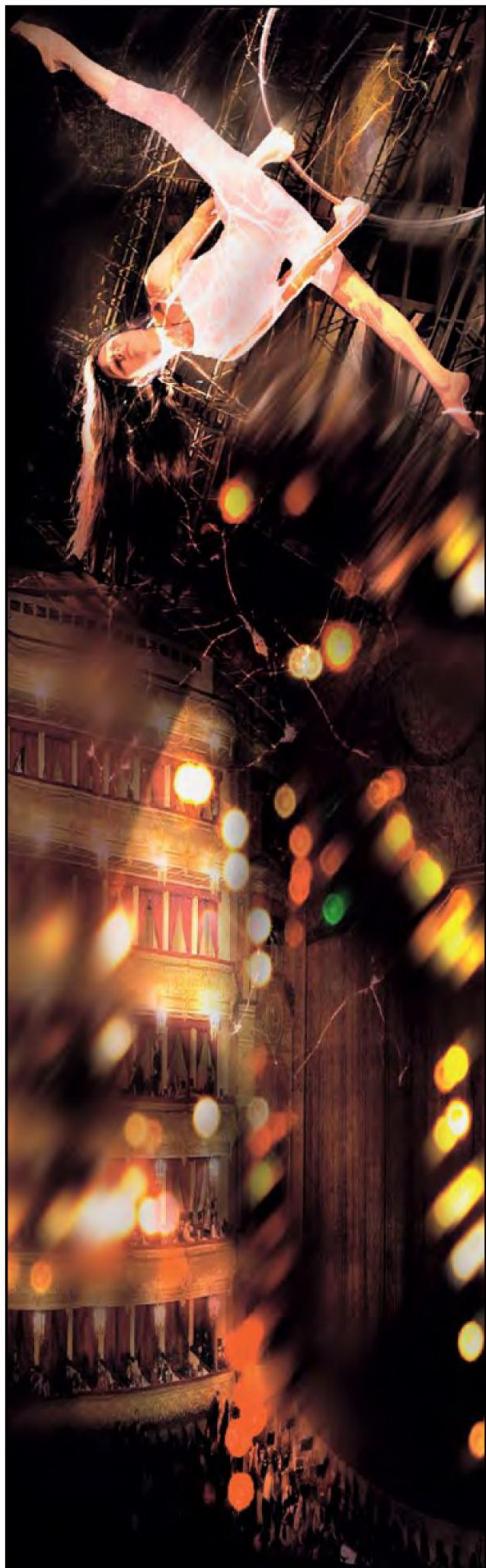

Рисунок Майи Медведевой.

*Что нет невзгод, а есть одна беда —
Моей любви лишиться навсегда.*

— Ну вот, вы всё видели, — говорит Максим. — Точнее, слышали...

— Вы обращались к психиатру? — интересуюсь я.

— Нет.

— Почему? Не смогли поймать?

— Нет. Он захотел бы забрать её в больницу, а ей нельзя в больницу.

О, этот бесконечно однообразный эгоизм родственников!

— Ей, безусловно, нужно полное обследование, постоянный приём лекарств и круглосуточное наблюдение. Проще всего это сделать в специализированном психиатрическом отделении.

— Доктор! Не надо мне рассказывать, что проще всего сделать! Поверьте, я пока в своём уме.

Стоило Максиму повысить голос, как Лиза тут же сжалась, обняла колени и начала раскачиваться на кровати, монотонно бормоча:

— И я уйду без поцелуя... и я уйду без поцелуя...

Он бросает на меня сердитый взгляд и говорит, снизив голос:

— Может, не будете давать пустых советов, а что-нибудь сделаете?

— Я очень немногое могу сделать. Я не психиатр и вообще не клиницист. Я — чтец, то есть диагностист, что-то вроде специалиста по УЗИ. И не ставлю диагнозов, тем более не назначаю лечения. Я только пишу заключения для специалистов.

Максим молчит. Лиза бормочет, затихая:

— Без поцелуя... без поцелуя... пятью пять, всё спокойно...

— Хорошо, — сдаюсь я. — Расскажите, пожалуйста, как давно это с ней.

— Три дня.

— Расстройство началось неожиданно?

— ...Н-е-е знаю. Я нашёл её три дня назад и привёз сюда.

— То есть вы познакомились три дня назад?

— Нет, что вы. Мы женаты семь лет. Будет семь... скоро. Познакомились в университете, в книжном магазине, представляете? Я ходил на вечерние курсы, языки, собирался ехать за границу, а она преподавала на кафедре. Шекспир... И вообще английская литература.

— Одной из общепризнанных истин является мнение, что каждому одионокому мужчине, который располагает значительным состоянием, совершенно необходима жена, — откликается Лиза.

— Мы поженились, всё было так хорошо. Поехали к морю... А потом Лиза, в общем... Детей у нас не получилось, и она увлеклась каким-то восточным учением... или западным. Они говорили, что помогают женщине осознать себя женщиной, подготовиться к материнству. Что-то такое. Я даже был рад сначала: она стала меньше плакать, чаще выходила из дома. А потом она просто ушла... Туда, к ним, в их собрание. Я искал её три месяца. Потом ещё месяц разрабатывал план похищения — они серьёзные ребята. Привёз Лизу, а она уже была... такая... Вот почему нам нельзя в больницу. Никто не должен знать, что мы здесь. И я вас прошу...

— То есть вы хотите сказать, что первые симптомы появились полгода назад?

— Постойте, с чего вы взяли?

— С ваших слов. Вы говорили, что после неудачи с беременностью она много плакала, редко выходила из дома, потом увлеклась эзотерическим учением, ушла в sectу и вернулась оттуда уже такой...

— Вы всё так выворачиваете... Да, Лиза горевала, но она была нормальной, уверяю вас, она боролась, старалась справиться. Доктор... по-моему, достаточно разговоров. Сделайте уже что-нибудь!

— Ладно, попробую. Разденьте её.

Не люблю торопиться. Я всегда начинаю с крестца, продвигаюсь вверх по позвоночному столбу, даже если сразу вижу, что у пациента нет двигательных нарушений. Мне удобно настраиваться на моторных нейронах спинного мозга — они такие симпатичные, как ивы с шаровидной кроной, узлом ветвей и длинным ровным стволом. Я очень люблю настоящие ивы — особенно в мае, когда их маслянистые зелёные листья сверкают на солнце. Но сплетения спинного мозга для меня — красные, а в каждой «корзинке» — месте, где сливаются «ветви» дендритов, — светится огненный рубин, тело нейрона. Однажды на конференции мне удалось поговорить с Тордис Бергсдоттир — знаменитой слепой чтицей, ещё первого поколения, и она рассказывала, что в детстве мать научила её вязать коврики из ниток. С тех пор мозг для неё — огромный сложный

ковёр со множеством переплетений нитей разной толщины и фактуры. Роберт Хикару уверяет, что воспринимает сплетения нейронов как сплетения джазовых мелодий, но я ему не слишком-то верю, и не потому, что не верю в саму возможность чтения на слух, а потому, что он слишком откровенно рисуется и рвётся в публичные фигуры. А я банально не могу — читаю работу мозга через зрительные образы.

По аксонам бегут толстые и весёлые алые искры, и я невольно улыбаюсь — мне приятно, что, по крайней мере, тело пациентки здорово. Об этом я говорю Максиму:

— Что ж, она истощена, у неё гипофункция яичников и, пожалуй, развилась гипофункция щитовидной железы — позже посмотрю внимательнее. На коже есть несколько синяков разной степени давности, но все поверхностные и незначительные. Не похоже, чтобы её били. В общем, соматически она в хорошей форме.

Слышу, как Максим выпускает воздух сквозь стиснутые зубы.

Перехожу к стволу мозга и к черепномозговым нервам. Проверяю все двенадцать пар, не надеясь обнаружить патологии, — и не обнаруживаю её. И зрительный, и слуховой, и обонятельный, и вкусовой анализаторы у Лизы сохранны. Выныриваю из золотых сплетений ствола и погружаюсь в искристо-синие «деревья», идущие в мозжечок и Варолиев мост. И здесь впервые замечаю небольшие отклонения. Импульсы, проходящие по нервным волокнам, слишком редкие.

— У неё нет нарушений равновесия? — спрашиваю я. — Её не шатает?

— Да, шатает. Мне приходится её поддерживать. Что это значит?

— Не знаю. Возможно, проявление болезни. Возможно, её держали в тесном помещении в темноте и относительной неподвижности. Возможно, она принимала какие-то препараты. Если бы мы могли взять кровь на анализ...

— Продолжайте обследование, доктор, — прерывает меня Максим.

Я ухожу глубоко под кору больших полушарий, в средний мозг и ретикулярную формацию, просматриваю изумрудные вегетативные ядра и проводящие пучки и снова обнаруживаю незначительное общее угнетение активности. Осматриваю вытянутый бледно святящийся сапфир — гипофиз.

Так и есть: угнетение функции щитовидной железы и — смотрю нейрогипофиз — яичников. Центрального генеза. Похоже на действие каких-то препаратов, но, поскольку Максим ясно дал понять, что анализов не будет, бесполезно высказывать предположения. Хотя...

— А что, собственно, случилось с беременностью Лизы? Был выкидыш?

— Нет, до беременности так и не дошло.

Теперь — холодный изумрудный блеск гипоталамуса. Здесь я очень внимательна, памятуя о депрессивных настроениях Лизы. Осматриваю его ядро за ядром, пучок за пучком, добираюсь до отдельных синапсов и действительно обнаруживаю пониженный уровень серотонина в синапсах, а также снижение числа дофаминовых рецепторов. Да, Лиза генетически склонна к депрессии и, несомненно, недавно перенесла её. К сожалению, в недостаточно сильной форме для того, чтобы обратить на себя внимание и уберечь её от саморазрушающего поведения. Но это никак не объясняет, почему профессор университета угощает любимого мужа винегретом из Шекспира и таблицы умножения. Придётся смотреть кору.

Последовательно просматриваю моторные зоны, осязательные, зрительные и слуховые поля, речевой центр Вернике, ассоциативные слуховые зоны, двигательный речевой центр. Обычно такой осмотр напоминает путешествие в большой индустриальный город. Сначала идут предместья, куда вынесены заводы и фабрики, затем начинаются городские кварталы, пронизанные дорогами различного значения — местными, связывающими квартал с соседним, и магистральными, ведущими к центру города или к загородным районам. На этих дорогах царит оживлённое и одновременно упорядоченное движение. Электрические сигналы бегут от нейрона к нейрону, от звёздчатых клеток к пирамидалным, от них — к гигантским пирамида姆 продолговатого мозга, расходятся по ассоциативным и комиссулярным волокнам, формируя мысли, образы, воспоминания.

На этот раз я словно попадаю в город Дрезден после сокрушительной бомбёжки. Заводы в предместьях, то есть основные рефлексы, сохранены (вот почему Лиза реагирует на голос и сама говорит), а вот зоны распознавания зрительных образов и речи

представляют собой пылающие развалины. Импульсы то теряются в синапсах, то наоборот — практически не затихают. Лиза не только не узнаёт всех, кто её окружает, не только не понимает, о чём говорит, но, похоже, вообще утратила представление о том, что значит «узнавать» и «понимать». Это не разбалансировка под действием препаратов, не очаговая патологическая активность — это тотальное разрушение!

Стискиваю зубы и «ныряю» в лимбическую систему — своего рода даунтаун головного мозга, туда, где «живут» эмоции и мотивации. Мне не хочется «открывать глаза», я заранее боюсь того, что увижу. И я не ошиблась. Снова передо мной горящие руины. Где-то ещё можно различить обломки былых структур, своего рода острова или сохранившиеся стены, которые только подчёркивают царящий вокруг хаос. Бесполезно разыскивать «выживших». Лишь отдельные нейроны вспыхивают, гаснут и снова вспыхивают, как поваленные и тлеющие деревья.

Лиза снова заводит:

*Меня желал, пока не смял,
Хотел женой назвать...*

Сижу рядом с Лизой на кровати, не поворачиваясь, не поднимая головы, и думаю: как мне сказать Максиму, что перед ним не его жена и вообще не совсем человек, а помесь зомби с магнитофоном, существо без воспоминаний, без мыслей, практически без сознания. И что я не понимаю, как ей можно помочь. Но что-то говорить надо.

— У меня плохие новости. Лизе необходима госпитализация. У неё тяжёлые нарушения работы головного мозга.

— Какие именно?

— Грубо говоря, у неё перепутаны все электрические импульсы в коре. Поэтому она... Существует специальная терапия...

(Я вру, мне нужно сказать: «Кора разрушена», — так гораздо проще и ближе к истине, но смелости не хватает.)

— Электрошок?

— Нет, препараторы, улучшающие кровообращение в мозге. Может быть, нейропластика...

(Нейропластика в таких объёмах? Да вы оптимистка средней степени дебильности, деточка.)

— Всё равно это слишком опасно. По крайней мере, сейчас. Не хочу, чтобы о

Лизе кто-то узнал. Вы помните? Вы обещали молчать.

Я не спорю, потому что совсем не уверена в успехе лечения.

— Спасибо вам, доктор, — тон Максима сух и официален. — Вы нам очень помогли. Теперь я, по крайней мере, понимаю, что происходит. Две тысячи за консультацию вас устроит?

— Устроит. Но я хотела бы спросить: у вас остались какие-то материалы по этой секте?

— Зачем это вам?

— Хочу понять, как с Лизой произошло то, что произошло.

— Не стоит. Говорю вам: эти люди опасны.

— Я не буду попадаться им на глаза. Только соберу информацию, которая доступна всем. Поймите, работа мозга — моя работа, моя специальность...

— Хорошо, — сухо отвечает Максим. — У Лизы остались кое-какие записи с тех пор: лекции, семинары. Можете их просмотреть. — Он подходит к туалетному столику в спальне и достаёт набор — серьги и кулон с часами.

— Можете снять повязку.

Игры в конспирацию смущают его самого. И всё же ему важно создать хотя бы иллюзию, что он обезопасил меня и Лизу.

Сориентироваться, куда он меня завёз, совсем нетрудно. Есть мнение, что у женщин пространственное мышление развито хуже, чем у мужчин. Это на самом деле далеко от истины. А для меня привязать положение машины к воображаемой карте города не сложнее, чем разобраться в трёхмерной карте головного мозга.

— Хорошо, теперь в конце проспекта давайте под мост, и там первый поворот налево. Отлично. Теперь ещё через два квартала направо — и высаживайте меня.

На самом деле до дома ещё около километра, но, во-первых, я тоже могу поиграть в конспирацию, во-вторых, хочется прогуляться.

— Прощайте, Максим, и удачи. Буду нужна, найдёте.

— Спасибо. И будьте осторожнее.

— Непременно.

Закатное солнце слепит глаза. Холодный резкий ветер налетает порывами — в общем, классическая городская зима. Да, на-

счёт прогулки я, кажется, погорячилась. Не самая лучшая идея. Прячусь в ближайшем цветочном магазине и попадаю из северной зимы в южную осень. Пушатся белые маxровые розы, свернули тутие влажные бутоны их алые сёстры, рядом золотятся и синеют ирисы; суховатые гвоздики, словно бонны-англичанки, высоко держат головы с алыми панковскими гребнями. А если продолжать сравнение, то лилии — воспитанницы в белых платьях, прикидывающиеся целомудренными, но, как бы невзначай отгибают лепесток, позволяют заглянуть в своё нутро. Этот «бал цветов» чем-то напоминает картину, которую я видела полчаса назад, — многоцветье человеческого мозга. Мгновенно — вспышкой — вспоминаю, как Юлия Сергеевна, наша завотделением, ставит на стол ординаторской букет, преподнесённый ей очередными счастливыми родителями, и бормочет под нос: «Как это готично: дарить девушке трупики растений, чтобы она могла наблюдать за их разложением». И понимаю, что продолжаю думать о Лизе. Что разрушило её мозг? «Трупики растений» — лишь метафора, за которой скрывается этот вопрос.

Останавливаюсь у кассы, бросаю последний взгляд на ряды выставленных на продажу мертвецов. И, решительно купив горшок с большим круглым и колючим кактусом, направляюсь к выходу.

Глава вторая. СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ

«Когда женщины говорят, что у них депрессия, они, как правило, врут или, в лучшем случае, обманывают себя. Депрессия — болезнь, не свойственная женщинам. Их болезнь — истерия, название которой происходит, как известно, от греческого слова «гисетрус», то есть «матка».

Депрессия — болезнь личностного роста, связанная с конструированием новых смыслов, и мне понятно, для чего она нужна мужчинам или женщинам, производящим смыслы. Женщинам, изображающим, что производят смыслы, легче это сделать через устойчивые культурные образы, одним из которых является истерия. Причём очевидно, что некоторые этим своим истерическим синдромом просто бравируют.

Когда мужчины говорят о депрессии, я им верю. Когда женщины — нет».

— Ты с кем разговариваешь, Душка?

На кухню входит Катя, моя соседка по квартире, благоухающая шампунем и одетая в два розовых маxровых полотенца, на голове и на бёдрах. «Душка» — прозвище, которое она путём каких-то загадочных филологических манипуляций извлекла из моего имени. Катя — актриса, она часто возвращается домой за полночь, а по утрам предпочитает отсыпаться. Меня это устраивает: я, как правило, работаю по утрам, что сводит наше общение до необходимого минимума и позволяет сохранять дистанцию. Плохо одно: она с заботливостью доброй старшей сестры следит за моей личной жизнью.

Сегодня суббота. Я встала рано и, пока пекла оладьи, решила посмотреть, что записано на серьгах Лизы. Её кулон-модем легко связался с нашим квартирным уникомом. И теперь с экрана вещает дама, сопровождаемая титрами: «Тамара Лайт. Культуролог». Мне немного не по себе от того, что на мне украшения другой женщины, но они питаются энергией от разницы температур тела и окружающей среды, и надеть их проще, чем класть на батарею.

«Постродовая депрессия связана с осознанием своей смертности в результате участия в акте рождения, — сообщает культуролог. — Она базируется, в конечном счёте, на осознании причинно-следственной связи между смертью и рождением. Обычная депрессия связана совсем с другой материей, она существует в пространстве творческой реализации, то есть отказа от действия. Я бы сказала, что этот вид депрессии — ложная депрессия, так как, во-первых, она протекает легче и затрагивает два объекта, а не один; во-вторых, она не связана со смыслоподчёркиванием. В результате обычной депрессии рождаются новые смыслы, а постродовая депрессия — базальное средство ограничения рождаемости, ментальный контрацептив».

Её слова производят странное воздействие на Катю. Она отстраняется:

— Что за дрянь?

— Ты чего? — удивляюсь я. — У тебя же детей нет, и ты, насколько я знаю, не собираешься.

— Так-то так, да только ощущения уж больно мерзкие. И депрессии-то у женщин быть не может, и смыслы они не рождают...

— Она говорит, рождают. Иногда.

— Наверняка себя имеет в виду.

— Это всё бред. Настоящая депрессия — это совсем не красиво и не интересно.

— А всё равно противно. Ладно, давай завтракать.

Оладьи и кисло-сладкий лимонный кёрд быстро поднимают нам настроение. Катя, успевшая накинуть короткий халатик, рассказывает о новой постановке: это будет светопредставление «Розовый» — история женщины XX века, преследуемой розовыми вещами. Катя в спектакле досталась роль Розовых Лосин, в качестве которых она будет раскачиваться на турнике, ходить колесом и читать монологи о том, что розовые лосины — это сексуально. Я заверяю её, что она буквально рождена для этой роли. Я до сих пор не могу забыть её предыдущую работу — роль Чувств в спектакле «Разум и чувства» по Джейн Остин, где она в радужном трико кружила в хула-хупе над своей героиней — Чувствительной Марianne, и не без успеха соблазняла Разумную Элеонор. Я люблю ходить в театр — Катя всегда организует мне место в первом ряду, и я могу наблюдать, как работает мозг у актёров: как формируются сложные цепочки, как вспыхивают в коре, подогретой эмоциями из лимбической системы, невероятной красоты огненные деревья условных рефлексов, мгновенно расширяющиеся и расцветающих импровизациями под летним дождём потока информации от их сенсорных нейронов, корректирующей работу двигательных нейронов. Эта игра электрических импульсов гораздо увлекательнее того, что происходит на сцене. Порой мне жаль, что Катя не видит себя моими глазами: у неё прекрасные рефлексы, жирные нейронные пути, её поля памяти яркие и отчётливые — словом, она — воплощённое умственное здоровье. Вот только не надо снова о Лизе, а?

Пока Катя ставит посуду в машину, я перебираю записи и натыкаюсь на ту, где уже другая дама вешает о материнстве:

«Если говорить о психологическом аспекте, то проблематичность прикладываний при грудном кормлении может быть в таком комплексе: болезненная автономия собственного тела, невозможность почувствовать себя с ребёнком полноценной симбиотической системой, астеноневротические реакции внутри эндогенной депрессии...»

— Чем ты занимаешься? — снова интересуется Катя.

— Разыскиваю какую-то неформальную организацию в поддержку истинной женственности и материнства, — вздыхаю я.

— Интересно, кто их слушает? Так и свихнуться недолго.

— Находят желающие.

И думаю про себя: «Да, эти люди — высокообразованные хамы, которые научились оскорблять женщин псевдонаучным языком. Возможно, они в состоянии поселить в будущих материах неуверенность и чувство вины за то, что им пришлось пройти кесарево сечение, за чувство усталости или за "безболезненную автономию собственного тела". Но это — не то, что случилось с Лизой. Никакие слова, сколь бы жестокими или глупыми они ни были, не разрушают связи в коре до такой степени, как я наблюдала вчера. Максимум появится пара новых связей полей памяти лобных долей коры с лимбической системой, с миндалиной, отвечающей за страх, или с покрышкой среднего мозга и гиппокампом, где гнездится печаль, но это — травмы, которые мозг может пережить, не развалившись на части. Следовательно, что-то там есть ещё кроме дурацких лекций. Что-то менее эффектное, но более эффективное. Интересно, как это выглядит?»

Я ещё раз щёлкаю по пульте, и неожиданно на экране появляется Лиза. На этот раз она не в ночной рубашке, а в зелёном вязаном свитере и тёмных брюках. Она откidyвает за спину длинные тёмные волосы и произносит:

«Театр Шекспира "Глобус" был круглым зданием без крыши. Крытыми были только просцениум и галереи, предназначенные для знати и оркестра. Простой народ толпался внизу, вокруг сцены. В театре не было ни декораций, ни исторических костюмов. Актёры выступали в костюмах, подаренных покровителями-аристократами, то есть в одежде, которая была современной, разве что немного вышедшей из моды. Независимо от того, происходило ли действие в Древнем Риме, как в "Кориолане", в средневековой Дании, как в "Гамлете", или в Британии, как в "Хрониках".

Спектакли начинались в три часа дня. Поэтому, если действие происходило ночью, в нише, в глубине сцены, зажигали свечу. При таком уровне условности основная нагрузка

ка приходилась на сценическую речь. Для того чтобы создать зримые образы, автор старался насытить текст яркими деталями, с символикой, хорошо известной зрителям.

Например, на платке Дездемоны была вышита земляника — цветок, символизирующий верность. Поэтому, когда Отелло увидел платок в руках другого мужчины... случилось то, что случилось. Лучше бы он застал их в постели — тогда у него ещё могли быть сомнения.

Ещё пример: когда Офелия разговаривает с Гамлетом и видит, что у него спущены чулки, она застывает в ужасе. Эти чулки лучше, чем любые слова принца, убеждают её, что возлюбленный безумен. Одежда для елизаветинца — зримый образ человека. По одежде можно было определить его происхождение, семейное положение, род занятий, уровень притязаний. Если человек перестаёт заботиться об одежде, значит, он перестал заботиться о себе. А если ему безразлично, как он выглядит, он утратил свою цельность, представление о себе. Он больше не часть социума, он отщепенец, а это для елизаветинца — несомненный признак безумия. Никакого психиатра не надо».

— А это кто? — снова спрашивает из-за плеча Катя. — Не знаю, какое отношение имеет Шекспир к материнству, но вот её я с удовольствием послушала бы.

— Она тут случайно. Почти случайно. Кстати, ты никогда раньше не видела её?

— Нет, а кто это?

— Елизавета... — только тут я вспоминаю, что забыла спросить у Майкла фамилию Лизы. — Мммм... Погоди, давай посмотрим.

Я достаю унипульт и вызываю на стено-визор поисковую систему. Но как сформулировать запрос? Пробую: «Елизавета Шекспир» — и получаю: «Эти пьесы написала королева Елизавета. Шекспир был женщиной». Набираю: «Елизавета, шекспировед» — и получаю: «...пытается доказать, что под именем Шекспира писали Роджер Мэннерс (5-й граф Рэтленд) и его жена Елизавета Рэтленд. Книга была переведена на многие языки и сделала большой перевоплох среди шекспироведов». Набираю: «Елизавета. Театр Глобус» — и получаю: «Я дал ей на это средства: четыре билета в театр "Глобус"... Елизавета (едва владея собой)... ещё одно слово, и я своими руками

начну дело... Бернард Шоу. "Смуглая леди сонетов"».

Катя хихикает:

— Не очень-то результативно.

— А будто ты можешь лучше!

— Могу. Нужна программа распознавания образов.

— И у тебя как раз случайно есть.

— У меня нет, но у нашего художника — точно есть, он так ищет выкройки исторических костюмов.

— И ты можешь...

— Разумеется.

Пока Катя общается по уникому со своим другом-художником и осваивает поисковую программу, снова спрашиваю себя: «Что должно произойти, чтобыrationально мыслящая женщина, учёный (хоть и гуманитарий) стала слушать чушь, которую несут защитники материнства, и ушла к ним? Возможно ли, что она хотела ребёнка настолько, что сумела заглушить в себе голос здравого смысла? И чем эти люди её отблагодарили? И её ли одну?»

Нет, это бессмысленно. Слишком малоданных, чтобы строить умозаключения и делать выводы. Нужно успокоиться и отвлечься.

Выхожу из дома и иду к ближайшей станции велометро: отсюда я каждое утро еду на работу. Но сегодня я не взяла с собой велосипед, а просто присаживаюсь на платформу, где роликобежцы надевают коньки, и наблюдаю за движением. Велометро — прозрачная труба, поднятая высоко над землёй, по ней без препятствий мчатся велосипедисты и роликобежцы. Сейчас народу меньше, чем по утрам в рабочие дни, и я могу потренироваться — читать работу мозга в движении. Сначала попытаться поймать импульсы на как можно большем расстоянии, затем проследить игру рефлексов и ответов на внешние раздражители вспышками мозжечковых нейронов на плавных поворотах, ровным свечением довольно лимбических систем (попадаются и озабоченные лимбы, но редко — равномерное движение многих успокаивает). И потом долго провожать глазами, ловя затухающие импульсы.

Сигнал с портала уникома, встроенного в браслет, прерывает медитацию. Катя сообщает, что нашла в сети данные о Лизе.

(Продолжение следует.)